

Научная статья

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

Принцип диалогичности М. М. Бахтина как осознанное преодоление монологизации сознания

Алена Леонидовна Каулинь

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.kaulin2011@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9951-839X>

Аннотация

В данной работе представлен анализ и сопоставление двух концепций, связанных с пониманием социальных явлений и отношения между «я и другим». В первую очередь это концепция миметического круга П. Рикёра, в которой представлена поэтапная структура понимания социального действия и формирование отношений к этому у субъекта. Во-вторых, мы рассматриваем понятие диалогичности М. М. Бахтина, которое он понимал в широком смысле, как общий метод для гуманитарных наук. Посредством первой концепции мы обосновываем состоятельность второй, дополняя ее понятиями «овеществление» и «персонификация», введенными М. М. Бахтиным, которые придают исследованию этическое-моральное составляющее, укрепляющее важность роли «другого» в гуманитарном познании в частности и понимании социальных явлений в целом.

Ключевые слова

диалогичность, монологизация и диалогизация, миметический круг, овеществление и персонификация

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00801 «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

Для цитирования

Каулинь А. Л. Принцип диалогичности М. М. Бахтина как осознанное преодоление монологизации сознания // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 89–100. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

The principle of Bakhtin's dialogicity as a conscious overcoming of the monologization of consciousness

Alena L. Kaulin

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

a.kaulin2011@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9951-839X>

Abstract

This paper presents an analysis and comparison of two conceptions related to the understanding of social phenomena and the relationship between "I and the other". The first of them is P. Ricoeur's theory of the mimetic circle, which presents a phased structure of understanding of social action and forming an attitude towards it in the subject. Secondly, we consider the idea of dialogicity by M.M. Bakhtin, which he understood in a broad sense, as a general method for the humanities. With the help of the first theory, we substantiate the consistency of the second. Also, we supplement it with the new concepts such as "reification" and "personification" introduced by M.M. Bakhtin, this gives the study an ethical and moral component and additionally establishes the importance of the role of the "other" in humanitarian knowledge in particular and the understanding of social phenomena in general.

Keywords

dialogicity, monologization and dialogization, mimetic circle, reification and personification

Acknowledgments

The study was supported by RFBR (project no. 20-011-00801 «P. Ricoeur's concept of triple mimesis as a basis for verifiability of historical narratives»).

For citation

Kaulin A.L. The principle of Bakhtin's dialogicity as a conscious overcoming of the monologization of consciousness. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 89–100. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-89-100

Вопросы понимания в целом и метода понимания для гуманитарных наук в частности давно заботят исследователей в разных областях знания. Для описания многих социальных явлений нам недостаточно количественных и статистических методов. Нужен альтернативный подход, позволяющий добиться наибольшей степени понимания явлений и человеческих поступков.

Имея дело с социальной реальностью, мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда разные данные приводят к одному и тому же выводу, или же наоборот, когда из одних и тех же посылок делаются противоположные выводы. В качестве примера возьмем известный фильм «Двенадцать разгневанных мужчин» 1957 г.¹ Присяжные рассматривают дело парня, который якобы убил отца. Каждый оценивает для себя ситуацию, используя свои устоявшиеся представления о ней. Бедный парень из неблагополучного района вполне может быть убийцей, а свидетели не стали бы врать, они под присягой и т. п. Присяжные воспринимают ситуацию так, как ее преподносит следствие, к тому же картинка складывается вполне адекватная и понятная.

¹ Ремейк данного фильма был снят в 1997 г., вышедший под таким же названием. Также была создана авторская интерпретация данного сюжета, снятая Н. Михалковым в 2007 г., вышедшая под названием «12» (Прим. автора).

Очень хорошо можно проследить здесь, как большинство людей проявляет «овеществление» другого². Каждый получает факты о человеке, который ждет сейчас приговора, и начинает выстраивать свои собственные нарративы с присутствующим отношением к этому. Большинство даже не задумывается о подсудимом как о человеке-личности, а относится к нему как к способу выполнения своего гражданского долга или как к причине опоздания на футбольный матч. Но один из присяжных все-таки подходит к вопросу, персонифицируя подсудимого³. Этому человеку важно понять, что произошло на самом деле, и подсудимый для него не набор стереотипов о нем, но индивидуальность, заслуживающая справедливости. И этот сюжет отнюдь не является вымышленным. Практически каждому из нас приходится сталкиваться с ситуациями, которые заставляют нас принимать решения, основываясь на тех выводах, которые мы делаем о людях, что вполне может повлиять на их жизнь. Тем более когда речь идет о гуманитарной науке, необходимо иметь инструмент, который бы не только позволял достоверно изучать факты, но и не упускать человеческую составляющую личности, которую нельзя обесценивать.

* * *

В своем исследовании мы прибегаем к анализу и сопоставлению двух гипотез – П. Рикёра и М. М. Бахтина. П. Рикёр предполагает, что понимание разного рода социальных действий происходит по тому же принципу, по которому происходит понимание художественных произведений. «Гипотеза, о которой идет речь, – это гипотеза о гомологии между текстом и социальным действием... он перешел к специфической трактовке этой гипотезы, сближая социальное действие не с текстом вообще, а с рассказом, нарративом, “историей”» [Зенкин, 2013. С. 328]. Развивая мысль о единой логической структуре нарратива и действия, мы предлагаем воспользоваться концепцией миметического круга П. Рикёра как механизмом, который описывает процесс понимания людьми социальных явлений. Более того, мы предполагаем, что данный конструкт понимания невозможен без социального контекста, взаимосвязанного с другими людьми или сокращенно – «другим». Мы имеем в виду, что посредством теории миметического круга можно выявить некоторые механизмы, присущие работе сознания, которые влияют на восприятие и понимание, в том числе и через «другого». Именно познание через «другого» является основополагающей идеей концепции диалогичности М. М. Бахтина. И в своей работе «К методологии гуманитарных наук» он использовал понятие «диалогичности» для описания рабочего метода «наук о духе» (см. [Бахтин, 1986]).

Согласно концепции Поля Рикёра, миметический круг состоит из трех стадий. Первая из них – это стадия префигурации, или пред-понимания опыта (ми-

² Овеществление – термин, использованный М. М. Бахтиным для обозначения способа отношения к другому.

³ Персонификация – противоположный овеществлению термин, отражающий подлинный, по М. М. Бахтину, способ восприятия другого. Оба этих термина применяются М. М. Бахтиным для описания концепции метода гуманитарных наук (*Прим. автора*).

месис I). Она характеризуется схватыванием донарративной концептуальной сетки, которая сопряжена с понятием практического понимания. «В ходе активного взаимодействия с миром в процессе практической деятельности начинает формироваться концептуальная сетка, которая размечает окружающий мир, позволяя нам выделять предметы и действия, закладывая знания о свойствах объектов и возможных манипуляциях с ними» [Аникина, 2020. С. 136]. Так формируется то, что П. Рикёр назвал практическим пониманием, которое и выражается в способности оперировать понятиями концептуальной сетки. Практическое понимание можно условно сравнить с той базой для изначального понимания, которая нужна ребенку, чтобы начать ориентироваться и создавать уже более сложные представления.

На этой стадии П. Рикёр выделяет несколько аспектов пред-понимания. Рассмотрим структурный и символический. Структурный аспект предполагает способность (не осмысленно, скорее рефлекторно) на основе некоторых компонентов выделить целостное действие из череды физических движений. Под этим мы подразумеваем, что из отдельных фактов начинает складываться какая-то своя картина происходящего, но (на данной стадии) без понимания конкретных поступков с присущей им целенаправленностью. В качестве символического аспекта пред-понимания П. Рикёр полагал дополнительную компетентность субъекта – способность идентифицировать символические опосредования действия в кассиреровском значении слова «символ»⁴.

Для того чтобы осуществить пред-понимание, ребенок получает изначальную базу от родителей или ближайших взрослых⁵. Это «чужие голоса», как говорит М. М. Бахтин, затем становятся своими: «Процесс постепенного забвения авторов – носителей чужих слов. Чужие слова становятся анонимными, присваиваются (в переработанном виде, конечно); сознание монологизируется» [Бахтин, 1986. С. 365–366]. Важно отметить, что монологизируется оно, по нашей мысли, по завершению всего круга, а не конкретно на данной стадии, на которой этот процесс только начинается. Мы считаем, что процесс присвоения «чужих голосов» сродни тому же процессу формирования концептуальной сетки, которая является, как уже оговаривалось, изначальной базой для практического понимания у П. Рикёра. На этой стадии закладываются как новые символы, так и отдельные шаблонные структуры, вычлененные из изначальной получаемой информации. Это происходит на протяжении всей жизни, так как диалог, по мнению М. М. Бахтина, не прекращается, как и не перестает обращаться миметический круг П. Рикёра.

Вторую стадию мимесиса П. Рикёр называет стадией конфигурации (мимесис II), именно здесь происходит «построение интриги», т. е. формируется

⁴ «Основополагающие понятия каждой науки, средства, которыми она ставит вопросы и формулирует выводы, предстают уже не пассивными отражениями данного бытия, а в виде создаваемых самим человеком интеллектуальных символов» [Кассирер, 2002. С. 12].

⁵ Мы используем пример ребенка, чтобы было проще осознать именно изначальную стадию пре-конфигурации, конечно же, мы не имеем в виду, что М. М. Бахтин или П. Рикёр в своих исследованиях писали про сознание ребенка. Мы хотим показать, что теоретически их сопоставленные концепции прекрасно отражают становление познания и понимания, даже на самых ранних этапах.

уже нарративная структура⁶. «Интрига, понимаемая в широком смысле, то есть как упорядочение фактов (и, стало быть, последовательность предложений, обозначающих действие) в целостном действии, конституирующем рассказанную историю, представляет собой литературный эквивалент синтагматического порядка (*ordre*), который вносится в практическое поле благодаря рассказу» [Рикёр, 1998. С. 70]. Стоит также отметить, что П. Рикёр предполагал, что для понимания действия недостаточно овладения концептуальной сеткой действия и его символическими опосредованиями, субъект «распознает в действии временные структуры, которые требуют повествования» [Там же. С. 74]. Именно аспект временности, по мнению П. Рикёра, является той силой, которая приводит в движение миметический круг, требуя постоянного упорядочивания относительно друг друга опыта и ожиданий. Выстраивается новая связность, опирающаяся и на предыдущий опыт, и на новые элементы с их новыми значениями. Посредством именно нарративного понимания мы способны создать и осознавать связь между нашими представлениями и проявлениями окружающего мира⁷. На этом этапе, собственно, и происходит «конфигурация полученных данных», что можно назвать составлением плана повествования с включением в него новых данных.

На этой стадии происходит определение отношения субъекта познания к социальной ситуации и «другому» (овеществление и персонификация). Стоит отметить, что овеществление и персонификация – это способы, через которые происходят процессы осознания «другого».

На третьей стадии рефигурации (мимесис III) происходит переустройство жизненного опыта. Явления переобозначаются исходя из новых взаимосвязей, образовавшихся на второй стадии. И третья, финальная, стадия становится новой базой тех смыслов, которыми мы впоследствии оперируем уже условно снова на первой стадии. Поэтому миметический круг можно называть кругом лишь отчасти, это скорее спираль, которая позволяет все более и более расширять области понимания посредством включения новых фактов, вокруг которых образуются новые смыслы и связи.

Мы предполагаем, что три стадии мимесиса описывают процесс монологизации, так как осуществившийся круг условно можно назвать определенным завершённым этапом осознания чего-либо. И следующим этапом: «Монологизированное сознание как одно и единое целое вступает в новый диалог (уже с новыми внешними чужими голосами)» [Бахтин, 1986. С. 366]. Каждого человека можно сравнить с замкнутой системой. На разных этапах понимания, описанных как стадии мимесиса, происходит закрепление или пересмотр тех или иных пред-

⁶ Так как данное исследование является частью другого, более крупного исследования, мы здесь касаемся вопросов работы миметического круга только отчасти. Подробный разбор механизмов и принципов этого читатель может найти, обратившись к статье А. Б. Аникиной [Аникина, 2020].

⁷ Нарративное понимание – это в первую очередь инструмент, который, как и остальные инструменты миметического круга, позволяет нам как раз выстраивать свое отношение и представление. Однако, по нашему мнению, именно на стадии конфигурации происходит определяющий разрыв, который непосредственно влияет и на дальнейшую рефигурацию. Возможно, это является одной из причин, почему и сам П. Рикёр выделял стадию конфигурации по ее значимости среди остальных. Именно поэтому мы позволяем себе метафорически говорить, что именно на этой стадии и происходит формирование наших представлений.

ставлений о реальности, в первую очередь мы говорим о других людях и связанных с ними социальных действиях. Это возможно благодаря структурам, которые присущи работе сознания. Миметическим кругом П. Рикёр схематично показывает, как это возможно и насколько это схоже во многих областях знания.

«П. Рикёр, с одной стороны, указывает на сходство социологического и исторического знания, заключающееся в применении “нереальной” нарративной конструкции, а с другой – ставит проблему повествовательного характера научного теоретизирования. При этом следует отметить, что нарратив в его рассуждениях остается важным связующим звеном между социальной и исторической науками и живым человеческим опытом, встроенным в повествование» [Борисенкова, 2007. С. 62]. Невозможно не учитывать составляющую опыта, когда речь заходит о гуманитарных исследованиях. Во-первых, потому, что чем больше контекста мы учитываем, тем более объемная картина реальности открывается перед нами. Во-вторых, с этической точки зрения не учитывать чей-то уникальный опыт – значит обесценивать саму личность, т. е. овеществлять ее.

Овеществление и персонификация – два процесса, которые занимают важное место в познании другого. Более того, с помощью этих терминов, по нашему мнению, М. М. Бахтин подчеркивает окончательное обособление понятия «другого» и его роли в исследованиях гуманитарных наук. М. М. Бахтин отмечает, что ни при каких обстоятельствах человек как личность не может быть воспринят противоположным, т. е. как вещь, образом. Иными словами, «образ человека не может быть безотносительным к форме его существования (то есть к “я” и *другому*). Поэтому полное овеществление образа человека, пока он остается образом, невозможно. Но, давая “объективный” социологический (или иной научный) анализ этого образа, мы превращаем его в понятие, ставим его вне соотношения “я – *другой*” и овеществляем его» [Бахтин, 1986. С. 319].

Отношение исследователя к вопросу исследования накладывает значительный отпечаток на те выводы, которые могут быть им получены в итоге. Существуют действия и поступки, это объективные факты реальности. Так же как и человеческий опыт, который влияет на формирование личных представлений, которые, в свою очередь, приводят к этим поступкам. Упуская из вида эти аспекты, исследователь упускает часть реальной картины происходящего. Люди составляют эту реальность, и упускать момент того, что каждый из них личность, – значит терять объективность исследования. В тот момент, когда вместо личности человек начинает восприниматься не иначе чем вещь, которой присваивается естественнонаучная объективность, происходит потеря самого смысла исследования, ведь такой подход может выявить только свойства объекта. Задача же гуманитарных наук кроется в определении процессов, эти свойства породивших, а также в возможности проследить пути потенциального движения и развития. Более того, к вещи можно относиться исключительно исходя из своих о ней представлений и придерживаясь исключительно собственных интересов, а, значит, можно, например, переиначивать исторические факты, интерпретируя их в зависимости от того, что требуется доказать. Но этические нормы общества не позволяют так относиться к личности. И персонификация – тот процесс, которой может служить мерилом, ограничивающим возможность субъективной составляющей исследования.

Обратный процессу овеществления, процесс персонификации возвращает монологизированное сознание (не будем забывать, что каждое сознание монологизировано, поэтому этот процесс необходимо относить и к познающему, и к познаемому) обратно к процессу диалога: «персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» [Там же. С. 370]. «Другой» может выступать той движущей силой развития личности, которая не дает сознанию остаться замкнутым, т. е. монологизированным, использующим исключительно собственный набор убеждений для взаимодействия с окружающим миром, как в случае, показанном в вышеприведенном фильме. Разные люди рассказывают свои разные истории, вызывая отклик и сопереживание, сродни герою романа, неся в себе свой уникальный нарратив. Каждый способен пробудить в другом новую возможность для переосмысления и нового восприятия через другую личность. Так, например, пожилой человек среди присяжных способен понять пожилого человека, дающего показания, через призму своего восприятия реальности, в которой он только пешка, хоть раз в жизни старающаяся показать свою значимость, оттого говорящая то, что говорит. Или как молодая женщина только потому, что стесняется своей внешности, утаивает факт ношения очков, что непосредственно влияет на правдивость ее показаний. Так и в жизни способность понять другого открывает новые возможности для переосмысления, поиска истины, которая рождается в диалоге, заставляющем снова начать раскручиваться миметический круг с его переобозначением деталей и выстраиванием новых временных последовательностей, что затем меняет предпонимание. И это происходит на протяжении всей жизни.

Монологизированные, все решившие сознания диалогизируются и начинают исследовать, развиваясь и заставляя развиваться друг друга. Что происходит, если этого не делать? Каждый может остаться при своем мнении. Хотя, например, не в случае с присяжными, так как им необходимо принять решение единогласно. В жизни зачастую не возникает видимой необходимости изменять свое мнение в пользу кого-то другого, воспринимая другого как личность, но тогда останется незаполненным тот разрыв, который образуется между смыслом новых фактов о постоянно изменяющемся мире и собственным от них ожиданием, не говоря уже о моральной составляющей, которая и выделяет человека в отдельный класс живых существ, способных к глубокому осмыслению и пониманию, а не беспрекословному следованию инстинктивных порывов. От такого подхода проигрывают все. Когда нет необходимости менять мнение, то нет и развития, в том числе и в понимании окружающей реальности. А ведь в жизни очень часто приходится выслушивать противоположные мнения. И тот, кто способен меняться исходя из новой информации, даже если этот процесс происходит неприятно и болезненно, тот более эффективно может действовать. Это показывает наличие той самой необходимости в понимании и принятии другого мнения.

Когда активность познающего направлена на окружающих, он воспринимает их как субъектов (по крайней мере, так должно быть, по М. М. Бахтину). Однако «другие» зачастую воспринимаются как объекты, которые нужны для удовлетворения собственных нужд. Это приводит к овеществлению их личностей, что не-

приемлемо, по М. М. Бахтину. Тем не менее, сталкиваясь с другими, невозможно отрицать индивидуальность каждого из них и их неотъемлемое право на собственный опыт, который есть и у нас. Таким образом начинает образовываться разрыв между вновь поступающей информацией и той, что уже усвоилась, вмешивается чужой, отличный от собственного опыт другого, который может разительно отличаться. Возникает конфликт в представлении о себе и другом. Первый конфликт и последующие на протяжении всей жизни конфликты в восприятии одних и тех же вещей укрепляют собственные позиции человека, но они же и создают почву для диалога на более осмысленном уровне осознания. *Если только сознание не остается монологизированным, т. е. замкнутым, когда свои убеждения затрудняют принятие новых, отличных точек зрения, даже рассмотрение новых фактов, что мешает адекватному сосуществованию в обществе. Поэтому необходимо вырабатывать в себе способность воспринимать других именно как субъектов.* И если эта способность воспринимать окружающих именно как субъектов начинает преобладать, то истинный, по М. М. Бахтину, акт познания совершается через «другого», и это можно назвать диалогической активностью: «...активность познающего другого субъекта, то есть диалогическая активность познающего» [Бахтин, 1986. С. 363]; активность, которая направлена на «другого» как на потенциальный источник нового знания. Такая активность позволяет переосознать собственные, уже сформировавшиеся обозначения. Это и есть обратный процесс, который называется персонализацией.

Итак, при помощи концепции миметического круга становится возможным объяснить процесс становления понимания человеком окружающего мира, в частности других. Усвоение концептуальной сетки, становление практического понимания и процесс присвоения «чужих голосов» образуют собой ту платформу, на которой формируется монологизированное сознание. Продолжая монологизироваться, оно вырабатывает свои субъективные отношения к тому, что происходит, и к другим. По многим причинам процесс овеществления начинает быть доминирующим способом отношения к «другому». В соответствии с рассуждениями М. М. Бахтина процесс «присвоения чужих голосов» и последующей монологизации необходим. Однако монологизация не обязательно подразумевает овеществление, но чем оно сильнее, тем затруднительнее осуществлять познание, так как познание, по М. М. Бахтину, кроется во взаимоотношении «я и другого», без которого, по крайней мере в гуманитарных науках, всестороннее исследование невозможно. Теоретически преодолеть кризис овеществления возможно посредством диалогизации. Она тот мостик, который заставляет монологизированное сознание вновь выходить на контакт.

Диалогизация невозможна без монологизации, но и без диалогизации нельзя в полной мере адекватно воспринимать реальность и эффективно взаимодействовать друг с другом. Монологизация – естественна, мы замкнуты на себе, внутри себя и т. д. Однако, вступая в диалог, в том числе смотря фильм, читая книгу, мы открываем для себя новые возможности. М. М. Бахтин считал, что большая часть этих возможностей заложена именно в диалоге с «другими», ведь, по сути, чтобы человек ни делал, он не прекращает свой диалог и именно посредством него взаимодействует с миром. Он писал, что каждый герой несет в себе не только что-

то лично свое, но и свою эпоху, какие-то ее аспекты, известные ему, из-за его опыта и сознания. Поэтому вступая с ним в диалог, мы, также несущие в себе частичку эпохи, способны складывать, как мозаику, эти фрагменты, что приводит ко все большему и большему осознанию того, что происходит, сродни развитию сюжета романа. М. М. Бахтин, к слову, отмечал аналогию между текстом и реальностью, более того, он считал, что поступки можно рассматривать как текст. «Само творчество Бахтина (служит) ответственной реализации масштабного замысла объединить жизнь и искусство, поступок и текст в рамках единой методологии гуманитарных наук... человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [Сычев, 2020. С. 88–89]. Время, как уже упоминалось выше, является важным аспектом понимания. Каждая эпоха накладывает серьезный отпечаток на реальность и требует своего собственного к ней подхода для ее понимания. Мы живем в эпоху, когда общество нацелено на процесс диалогизации, многие стремятся к лучшему пониманию другого и озабочены тем, что несмотря на многие попытки все же остается огромное число людей, которые не хотят пересматривать многие догмы, которые сейчас можно назвать рудиментами, не позволяющие относиться к другим как к свободным и индивидуальным личностям, т. е. их овеществляя. Можно говорить, что и М. М. Бахтин подразумевал, что монологизация и заикливание на ней происходит именно из-за преобладающего овеществления и нежелания выходить за его пределы. Для наглядности можно сравнить некоторые случаи монологизации с устоявшимся стереотипом. Например, стереотип «выходцы с Ближнего Востока сплошь преступники и террористы» – наглядный показатель полного овеществления личности. Такая замкнутость восприятия лишает сознание возможности развития. Сознание монологизировано вне живого контекста реальности, где люди, каждый из них по отдельности, попали в крайне затруднительную ситуацию, которую пытаются разрешить как могут. В этой ситуации проигрывают обе стороны и общество в целом. С одной стороны, такое сознание не хочет узнавать новую информацию, тем самым обучаясь и развиваясь, и лишено возможности для конструктивного диалога. Ввиду реальности разнообразия мнений такое восприятие закрывает пути для мобильности, и как следствие для эффективного существования в социуме. С другой стороны, люди, которые нуждаются в помощи и понимании, остаются без возможности получить их. Тем не менее, ситуация в мире постоянно меняется, а вслед за ней и стереотипы, которые уходят в прошлое.

Нам бы хотелось отметить еще одну деталь. На наш взгляд, более объективное и осознанное понимание возможно лишь тогда, когда понимание другого идет рука об руку с пониманием его «другости», как говорил М. М. Бахтин: «В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.)» [Бахтин, 1986. С. 392]. Мы предлагаем рассмотреть монологизацию и диалогизацию еще и как стадии понимания. Монологизированное сознание, в котором преобладает овеществление, тоже способно взаимодействовать с другими, возможно даже пытаться их понять и «встать на место другого», но диалогизация,

а следом за ней и диалогичность, на наш взгляд, все-таки подразумевает нечто иное. Это как раз следующий уровень понимания отличия «я» от «другого», на котором не происходит подмены убеждений другого своими убеждениями, но возможен симбиоз этих мнений. Понимание, что у «другого» есть потребности, которые он хочет удовлетворить, но не так как нам бы хотелось, если бы у нас были бы такие потребности, – залог более полного сочувствия к «другому». Как только мы перестаем считаться с этой гранью «своего» и «чужого», мы также вновь невольно овеществляем другую личность.

Подытоживая, можно сказать, что, исходя из идеи, что поступок может восприниматься как текст, мы предположили вслед за П. Рикёром, что и изучить его можно схожим образом. Даже более того, сознание воспринимает эти явление по определенным принципам, которые описываются посредством миметического круга. Изначально схватывается структура какого-то события с ее элементами, они обозначаются определенным образом, исходя из той базы или присвоенных «чужих голосов» (М. М. Бахтин). Затем они выстраиваются во времени с присутствующим ему аутентичным набором принципов, и появляется нарративная структура, которая определяет некоторое отношение к этим элементам, и она же приводит к усвоению и присоединению этого условного события к той базе, которая «снова» становится основой для наших дальнейших рассуждений. Этот процесс мы считаем процессом монологизации сознания, который происходит от круга к кругу. При помощи диалогизации круг способен запуститься снова, и «изначальная база» все более и более расширяется. При восприятии других к этому процессу добавляются: овеществление и персонификация, которые являются способом мышления, который определяет отношение к кому-либо, а последнее можно еще и назвать инструментом метода понимания. Можно предположить, что изначально все воспринимаются как объекты. По ряду причин этот способ мышления закрепляется, что приводит к овеществлению других без попыток персонификации, т. е. они, условно говоря, будут продолжать восприниматься как вещи. Это препятствует монологизированному сознанию приступать к процессу диалогизации. Такое взаимодействие с «другим» приводит к корректировке собственных убеждений и смене восприятия «других» таким образом, который раньше казался единственно приемлемым. Таким его делает нежелание воспринимать точки зрения, отличные от собственной, ни одно мнение не может быть окончательным, а значит, имеет потенциальную возможность измениться или преобразоваться. Диалогичность – это тот принцип мышления, который подразумевает открытость для новых фактов, мнений, суждений и т. п., который и позволяет сознанию, обогащаясь новыми фактами, развиваться. Не нужно забывать, что у овеществления есть и моральная составляющая. Как отмечал сам М. М. Бахтин: «Одни наши акты (познавательные и моральные) стремятся к пределу овеществления, никогда его не достигая, другие акты – к пределу персонификации, до конца его не достигая» [Бахтин, 1986. С. 391]. Моральная задача каждого как личности понимать, что окружающие личности – такие же как мы, хоть и совсем другие, и понять до конца мы их не в силах. Тем не менее посредством диалогичности мы можем создавать такие решения, которые будут рассчитаны на улучшение общества, на создание комфортного места для каждого.

С одной стороны, для научного познания овеществление является важным этапом изучения объекта. С другой, гуманитарная наука не может относиться к людям, которых изучает, или к исследованиям, которые на других людей повлияют с такой позиции. Исследователь, который не задумывается о важности восприятия объекта исследования с точки зрения отношения «я и другой» и воспринимает, например, социальное явление и его описание только как форму достижения какой-то цели, во-первых, может упускать важные аспекты чужого опыта, из которого и складывается контекст реальности. Сам по себе эпизод ничего не значит, он важен или нет только в своем контексте, в котором образуется причинно-следственная связь, способная быть прослеженной и рассказанной. Во-вторых, ученый, который берет социально-исторический факт, анализирует его как объект, оперируя исключительно своим монологизированным сознанием, ведет одностороннее исследование, позволяющее трактовать тот или иной факт таким образом, каким ему это выгодно. Акт персонификации и понимания, что нельзя исследовать в отрыве от природы своей личности, которая, как М. М. Бахтин предполагал, кроется в «другом», является основополагающим принципом диалогичности, которая должна лечь в основу любой гуманитарной науки. Именно «другой» есть мерило того, насколько можно использовать полученную от него информацию. Именно он выступает моральным ориентиром как личность, а не как вещь, который должен останавливать «я» от совершения против него преступления, в том числе и лжи. Эта как раз та высшая форма персонификации, на которую способен человек. Более того, учитывая подход П. Рикёра, в концепцию которого не только вписывается концепция М. М. Бахтина, но и дополняет собой аспект становления сознания как монологизированного и его переход к диалогичности и диалогизации, становится понятным, как возможно изменение в сформированном восприятии человеком другого. Несмотря на замкнутость сознания и предрасположенность к структурам, зацикленным на своем представлении, тем не менее, помимо того, что акт общения имеет место быть, еще и возможна тенденция к восприятию информации через другого, что дает возможность наиболее полным образом выстроить в своем собственном представлении картину окружающей реальности.

Список литературы

- Аникина А.Б.** Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 4. С. 130–144.
- Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 381–393, 429–432.
- Борисенкова А.В.** Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социол. обозр. 2007. Т. 6. № 1. С. 55–63.
- Зенкин С.Н.** Социальное действие и его смысл: историческая герменевтика после Рикера // Поля Рикёр в Москве: Сб. М.: Ин-т филос. РАН, 2013. С. 327–345.
- Кассирер Э.** Философия символических форм. М.; СПб.: Университ. кн., 2002. Т. 1. Язык.
- Рикёр П.** Время и рассказ. М.; СПб.: Университ. кн., 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ.

Сычев А. А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Изв. Самар. науч. центра Росс. акад. наук. Соц., гуманитар., мед.-биол. науки. 2020. Т. 20. № 6. С. 85–89.

References

- Anikina A. B.** *Mimeticheskiy krug P. Ricoeur kak mekhanizm reprezentatsii proshlogo* [P. Ricoeur's Mimetic Circles a Tool for Representing of the Past]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 130–144. (In Russ.)
- Bakhtin M. M.** *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. М., 1986, pp. 381–393, 429–432. (In Russ.)
- Borisenkova A. V.** *Teoriya povestvovaniya Polya Ricoeur: ot narrativnoy organizatsii opyta k narrativnym osnovaniyam nauchnogo znaniya* [Paul Ricoeur's theory of storytelling: from the narrative organizations of experience to the narrative foundation of science knowledge]. *Sociological Review*, 2007, vol. 6, no. 1, pp. 55–63. (In Russ.)
- Cassirer E.** *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002, vol. 1. (In Russ.)
- Ricoeur P.** *Vremya i rasskaz* [Time and narrative]. М.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1998, vol.1. (In Russ.)
- Sychev A. A.** М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук [M.M. Bakhtin about the peculiarities of the methodology of the humanities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, humanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki* [Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science. Social, humanities, biological sciences], 2018, vol. 20, no. 6, pp. 85–89. (In Russ.)
- Zenkin S. N.** *Sotsial'noye deystviye i yego smysl: istoricheskaya germenevtika posle Ricoeura* [Social action and its meaning: historical hermeneutics after Ricoeur]. Moscow, Rossiyskaya Akademiya nauk. Institut filosofii [Russian Academy of Science. Institute of Philosophy], 2013, pp. 327–345. (In Russ.)

Информация об авторе

Каулин Алена Леонидовна, магистр философии
Соискатель, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Alena L. Kaulin, Master of Science (Philosophy)
PhD-program applicant, Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 27.05.2022;
одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 27.05.2022;
approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.